

15 октября 1982 года

ПОРТРЕТЫ
МОЛОДЫХ

ТЕАТР КАК ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

ВТОМ, ЧТО человек поражает своей творческой работоспособностью и энтузиазмом, когда его окружают, мягко говоря, лишь элементарно необходимые условия для творчества, вполне может проглядывать и некий романтический ореол. Тем более если это подернуто дымкой времени и окрашено ностальгией по молодости. Да, романтизмом кажется сегодня — хотя и десяти-то лет не прошло — то время встреч с художником Янубе (или попросту Яном) Маматкуловым в его тесной и излишне прохладной для зим комнатке на территории Таджикского молодежного театра. И среди всех неудобств, эскизов и макетов — спокойный, уравновешенный Ян, всегда в театральных заботах и в готовности отключиться от них ради пусть даже внезапного собеседника.

Время то давно, кажется, позади. Уже несколько лет Ян не заведует сценографической частью Молодежного. Уже не он постоянно ломает голову над тем, как бы расширить «килловную» расширить крохотную сценическую коробку театра. Яну стало тесно (конечно, не в буквальном смысле) в театральных рамках. Кроме того, он покинул свое художественное хозяйство, прочно наладив его, и, главное, оставив человека с ярко выраженной театральной «закваской».

К настоящему моменту работы Яна Маматкулова включают в себя едва ли не всю гамму изобразительного и сценографического искусства. Графика, пейзаж, натюрморт, портрет, тематическая картина; оформление моноспектакля, оперы и массового театрализованного представления. И в его завидной увлеченности профессией, в прочной привязанности к театру, самому первому, главному и вдохновенному его увлечению, наконец, в своеобразии его творческих приемов видна какая-то романтическая жилка. Видна и потому, что Ян не изменяет лучшему в себе, той определенности художественного почерка, которая проявилась у него с пер-

вых оформленных им спектаклей.

Яну Маматкулову присуще целостное, объемное, обобщенное, то есть образное видение пьесы ли, человека ли, природы. Он включает тот или иной «объект внимания» в более широкий контекст, чем это кажется применительно к данному «объекту» на первый взгляд. В спектакле Молодежного театра «Дорогой отцов» (пьеса М. Миршакара), рассказывающем о неразрывной связи поколений советских людей, художник разворачивает по всей сцене своего рода панно. Его можно условно назвать «От сохи, от винтовки до космических кораблей». Публицистичность, плакатность оформления исходят от самой пьесы, от ее протяженности в прошлое и будущее.

В числе последних премьер Молодежного — «Гадальщик Афанди» А. Бахори. Определив общую задачу — представить народный театральный балаган, Маматкулов решает ее методом стилизации национальных орнаментально-живописных мотивов. Ширмы, указывающие на смену эпизодов спектакля, задник, кулисы, костюмы персонажей — все пропитано орнаментом, рисунком, узором. Спектакль выглядит как яркий, нарядный таджикский народный лубок — под стать неунывающей изобретательности его легендарного героя-острослова.

Таджикский академический театр драмы им. А. Лахути планирует выпустить шекспировского «Короля Лира». В макете и эскизах Маматкулова к будущему спектаклю найдено интересное сочетание частных и масштабных черт трагедии. Сцена опоясана высоким частоколом с нанесенным на него средневековым пейзажем, а ее пол открыт очертаниями части Земли. Преобладающий цвет декорации — пепельно-серый. Бесприютно, голо будет шекспировскому герою на таком фоне, где Земля превращена в подобие какого-то загона.

Многое прочитывается и в таких живописных полотнах Маматкулова, как «По-

селок в горах» и «Посвящение Раулю Чоке». По сути, в первом представлен образ республики такой, какой она прочувствована художником, — в золотистом свечении, с наиболее характерными ее приметами, данными предельно миниатюрно. Живописный же рассказ о чилийце Р. Чоке, чемпионе мира по подводному плаванию, решен в серо-синей-черной гамме и исполнен трагизма. По всей вертикали высокой и узкой картины — фигура чемпиона в острой динамике ныряния. И повсюду — тела чилийцев, замученных и брошенных хунтой в море. За их спасение Р. Чоке заплатил жизнью.

Почти сорок спектаклей (примем театр за основную точку отсчета в творчестве Маматкулова) оформлено художником за одиннадцать лет — после того, как он закончил Ташкентский театрально-художественный институт им. А. Н. Островского. Завидная плодотворность! Кто же служил ему ориентиром, не без чьей поддержки получил он подобный запас прочности, обрел необходимую уверенность в собственных силах? Имя Эдуарда Кочергина, названное тут Маматкуловым, безусловно, более чем не случайно.

«Голос» одного из лидеров отечественной сценографии второй половины 60-х годов и последующего десятилетия, главного художника Ленинградского БДТ им. М. Горького, явным эхом отразился в исканиях молодого таджикского мастера. Прежде всего их общность касается настойчивого и выверенного поиска пластической передачи глубинного, высшего смысла пьесы. Поиску результату которого ее главный образ находится как слабое буквальное двух-трех основных элементов сценографии.

Но ведь далеко не одним театром жив Маматкулов. Он — постоянный участник крупнейших всесоюзных и республиканских выставок, преподает в Душанбинском художественном училище (статьи, оно еще до института было его первой «альма матер»); член правления Союза художников Таджикистана, заместитель председателя комиссии союза по работе с молодыми художниками. В разное время был депутатом горсовета, Пафос своей активной общественной работы член КПСС Ян Маматкулов видит в помощи тем, кто только выходит на большую дорогу искусства и к широкому зрителю. На скольких, например, вернисажах дебютантов Ян присутствовал не просто как коллега виновника торжества, но и как впрямую причастный к тому, чтобы это радостное событие в жизни молодого художника осуществилось.

Сегодня Ян работает уже не в продуваемой всеми ветрами комнатке, а в уютной мастерской, которая, правда, становится тесновата для его картин, эскизов и макетов. Но по-прежнему в его творчестве не видно успокоенности и уныло-академичности солидности, порою приходящих с годами, с успехами, с признанием. По-прежнему его работы чужды бескрылой заземленности. Их изощренная колоритичность как нельзя лучше соответствует принципиально-образному, возвышенному видению художника. Ян Маматкулов и сегодня остается не просто хорошим художником, но и романтически настроенным «человеком театра», для которого крохотное и безмерное пространство сцены имеет значение первой и незабываемой любви.

К. КЛЮТКИН.
Фото А. ИСОЕВА.